

DOI: 10.31696/S086919080039213-1

АРХИТЕКТУРА МАЛИ ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ: ПОИСКИ ПРОТОТИПА

© 2026

П.А. КУЦЕНКОВ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4288-6167; p.kutsenkov@ivran.ru

Резюме: Первые упоминания об архитектурных сооружениях на территории Мали в письменных источниках датируются XI в.: ал-Баكري и аль-Идриси сообщают о дворцах и о городской застройке из камня и дерева. Первым из европейцев архитектуру и городскую застройку типичного малийского города обрисовал Мунго Парк. По-настоящему первооткрывателем архитектуры Мали для Европы стал французский журналист и путешественник Феликс Дюбуа (1862–1945). Мысли о египетском происхождении малийской архитектуры высказывались и до него. Но именно Дюбуа стал автором «древнеегипетской» гипотезы происхождения малийской архитектуры. Сейчас она имеет только историографическое значение. В отличие от «египетской», «исламская» гипотеза происхождения западноафриканской архитектуры выглядит вполне обоснованной. Так, не вызывает никаких сомнений, что ислам действительно обогатил архитектуру Мали новым для неё типом сооружений, мечетью. Но сам Суданский стиль явно сложился без влияния ислама и даже вопреки ему. На это ясно указывает антропоморфный (иногда зооантропоморфный) характер Стиля тукулёров. Что касается европейского влияния на традиционную малийскую архитектуру, то, исключая современные постройки, невозможно указать какие-либо его следы. Несостоятельной оказывается попытка приписать появление стрельчатых арок европейскому влиянию, а это единственный аргумент в пользу последнего. Гневные филиппики Дюбуа или рассуждения Лейриса относительно «домашней утвари в соседней забегаловке» аргументами не являются. В трудах Энгестрёма, Деньер и многих других исследователей архитектура Мали и всей Западной Африки исследуется вполне объективно. Но параллельно существовала и существует другая тенденция, предельно ясно выраженная Морисом Делафоссом: кто-то «познакомил чернокожих с “суданской” архитектурой, а до этого они строили только глиняные хижины с коническими соломенными крышами». И не имело значения, кем были те культуртрегеры, что принесли в Западную Африку развитые архитектурные традиции – кто угодно, только не сами африканцы.

Ключевые слова: Архитектура Мали, Древний Египет, мусульманская архитектура, Европа

Для цитирования: Куценков П.А. Архитектура Мали глазами европейцев: поиски прототипа. *Восток (Oriens)*. 2026. № 5. С. 207–219. DOI: 10.31696/S086919080039213-1

MALIAN ARCHITECTURE THROUGH THE EYES OF EUROPEANS:
THE SEARCH FOR A PROTOTYPE

© 2026

Petr A. KUTSENKOV^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4288-6167; p.kutsenkov@ivran.ru

Abstract: The first written references to architectural structures in Mali date back to the 11th century: al-Bakri and al-Idrisi mention palaces and urban developments. Mungo Park was the first European to describe the architecture of a typical Malian city. The true discoverer of Malian architecture for Europe was Félix Dubois (1862–1945), who developed the “ancient Egyptian” hypothesis for the origins of Malian architecture. However, the idea of an ancient Egyptian origin of Malian architecture had been expressed before him. Currently, this hypothesis has merely a historiographic significance. There is no doubt that Islam did indeed enrich Malian architecture with a new type of building: the mosque. However, the Sudanese style itself clearly developed without the influence of Islam, and even in spite of it. The anthropomorphic (sometimes zoomorphic) nature of the Toucouleur style clearly indicates this. As for European influence on traditional Malian architecture, it is impossible to identify any traces of it. Attempts to attribute the appearance of pointed arches to European influence, which is the only argument in favor of the latter, prove untenable. The works of Engeström, Denyer, and many other researchers examine the architecture of Mali and entire West Africa quite objectively. However, another trend existed in parallel, articulated with utmost clarity by Maurice Delafosse: someone “introduced Black people to ‘Sudanese’ architecture, and before that they had only built clay huts with conical thatched roofs.” It didn’t matter who were the cultural bearers bringing developed architectural traditions to West Africa – anyone, but not the Africans themselves.

Keywords: architecture of Mali, Ancient Egypt, Muslim architecture, Europe

For citation: Kutsenkov P.A. Malian Architecture through the Eyes of Europeans: The Search for a Prototype. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 5. Pp. 207–219. DOI: 10.31696/S086919080039213-1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО АРХИТЕКТУРЕ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Первые упоминания об архитектурных сооружениях на территории Мали в письменных источниках датируются XI в.: ал-Бакри сообщает о городской застройке столицы средневековой империи «из камня и дерева ас-синт», о царском дворце с купольной беседкой и об арочных постройках вокруг него [*Древние и средневековые источники*, 1965, с. 181]. Аль-Идриси очень кратко описал «основательно построенный и прочно сделанный дворец на берегу Нила¹, жилые помещения которого украшены разного рода скульптурой, рисунками и стеклянными окнами», построенный «в 510 году после светоча хиджры²» [*Древние и средневековые источники*, 1965, с. 286].

Первым из европейцев архитектуру и городскую застройку типичного малийского города обрисовал Мунго Парк. Рассказывая о городе Сегу, Мунго Парк описал двухэтажные дома, «мавританские мечети» и «улицы, хотя и узкие, но достаточно широкие для любой полезной цели в стране, где колесные экипажи совершенно неизвестны» [Park, 1816, р. 195]. Мунго Парк упоминает и о сельской архитектуре, весьма отличной от городской: «При строительстве своих жилых домов мандинго³ также следуют общей практике африканских народов этой части континента, довольствуясь маленькими и неудобными лачугами. Круглая глинобитная стена высотой около четырех футов, на которой установлена коническая крыша из бамбуковых прутьев, крытая травой, образует как дворец царя, так и лачугу раба» [Park, 1816, р. 22].

¹ Т.е. Нигера.

² 1116/1117 г.

³ Мандинго, манден.

Следующим европейским путешественником, посетившим территорию Мали, стал Рене Кайе, который оставил монументальное трёхтомное сочинение «Дневник путешествия в Тембоку и Дженне в Центральной Африке, которому предшествовали наблюдения, сделанные среди мавров бракна, налу и других народов; в течение 1824, 1825, 1826, 1827, 1828 гг.» [Caillié, 1830]. В томе II содержится множество описаний архитектурных сооружений, от весьма нелюбимой характеристики знаменитой мечети XVIII в. в Саматигила [Caillié, 1830, II, p. 100] (теперь на крайнем северо-западе Кот д'Ивуар, на стыке границ Кот д'Ивуар, Мали и Гвинеи), до описания старой мечети в Дженне, уже заброшенной ко времени визита Кайе [Caillié, 1830, II, p. 206].

Сразу после завоевания Сегу Эль-Хадж Омаром, в долине Нигера побывал капитан-лейтенант Эжен Маж [Mage, 1868]. В его книге описаний архитектуры как таковых очень мало, однако есть 81 скинотграфия, выполненная по рисункам автора.

По-настоящему первооткрывателем архитектуры Мали для Европы стал французский журналист и путешественник Феликс Дюбуа (1862–1945), развивший идею о египетском источнике западноафриканской архитектуры, о чём мы подробно поговорим в следующем разделе.

До начала 1960-х гг. исследования западноафриканской архитектуры появлялись в печати, но в небольшом количестве. Здесь следует отметить труды шведского исследователя Тора Энгестрёма [Engeström, 1955; 1957; 1959]. Видимо, он был первым, кто связал характерный декор западноафриканской архитектуры с техникой строительства [Engeström, 1955, p. 122] и усомнился в прямой связи Суданского стиля с исламом [Engeström, 1959, p. 64].

В литературе, посвящённой архитектуре Мали и всего Западного Судана, особняком стоят имена двух исследователей – Сьюзен Деньер и Лабелль Пруссен. В книге «Традиционная африканская архитектура в исторической и географической перспективе» С. Деньер первой исчерпывающе полно описала признаки Суданского стиля: плоскую с парапетом или коническую крышу, деревянный каркас и использование сырцовых кирпичей разной формы в качестве основного строительного материала [Denyer, 1978, p. 160]. Сложился Суданский стиль, по мнению С. Деньер, задолго до появления в Западной Африке ислама.

Другая исследовательница, сыгравшая, несомненно, выдающуюся роль в изучении архитектуры Мали и всего Западного Судана – Лабелль Пруссен. Её многочисленные работы, посвящённые архитектуре Мали и всего Западного Судана, начали публиковаться с конца 1960-х гг. [Prussin, 1968; 1969; 1970; 1974; 1982; 1986; 2008]. Л. Пруссен принадлежит гипотеза о связи Суданского стиля с миграциями мусульман (торговцев-диула) [Prussin, 1970, p. 12–19, 64–67].

Из опубликованных относительно недавно работ по архитектуре Мали следует отметить монументальную, прекрасно иллюстрированную монографию Вольфа Шийнса «Народная архитектура догонов в Мали. Типологическая эволюция и будущее всемирного наследия», до сих пор остающуюся наиболее обстоятельным трудом, посвящённым архитектуре этого народа [Schijns, 2009].

ЕГИПЕТСКИЙ МИРАЖ

Первым о связи древнеегипетской архитектуры с малийской кратко высказался капитан-лейтенант Эжен Маж. В его книге есть изображение «общественного дома» народа сомоно, который Маж описывает как «своего рода сарай для ремонта сетей и разделки рыбы», который «своей архитектурой напоминает египетские дворцы» [Mage, 1868, p. 377].

Всерьёз об «отпечатке Египта» на архитектуре принигерских городов заговорил только французский путешественник и журналист Феликс Дюбуа. Он очень внимательно отнёсся

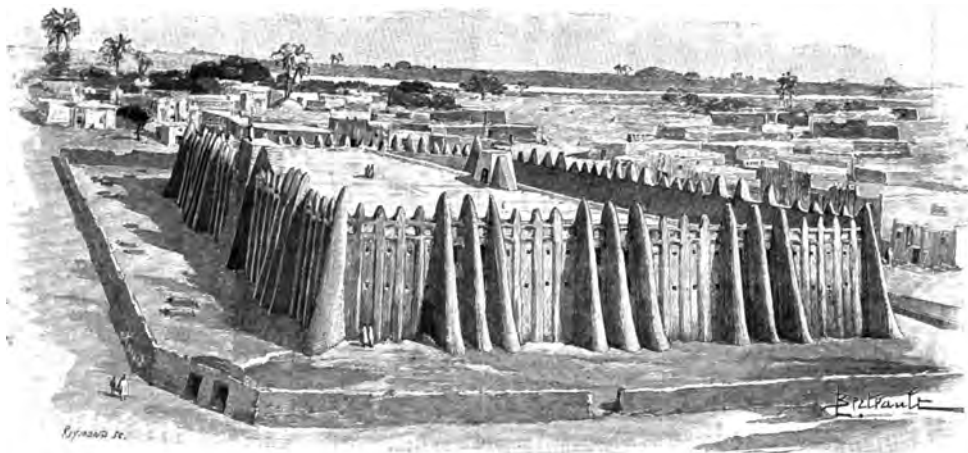

Рис. 1. Реконструкция первой мечети в Дженне по Ф. Дюбуа. XIII в. (по: [Dubois, 1897, p. 157])

Fig. 1. Reconstruction of the first mosque in Djenne based on F. Dubois's work. 13th century
(based on: [Dubois, 1897, p. 157])

к традиционному строительству, прекрасно осознавая приспособленность его к местным природным условиям и связь техники строительства со стилем: «В тропиках удобное или высококачественное жилье в первую очередь должно обеспечить тень и прохладу. Местные архитекторы решают эту задачу благодаря строительству домов с внутренним двором и толстыми стенами, почти слепыми, с крошечными и очень редкими окнами. Отсюда и плоские террасные крыши, на которых проводят теплые ночи, что являются естественным результатом массивности построек. Очарование стиля Дженне заключается в том, что там сумели придать тяжести этих масс некое величие, не лишенное благородства и гармонии» [Dubois, 1911, p. 186]. В статье, опубликованной в Фигаро 27 июля 1895 г., Дюбуа первым обратил внимание на сходство долин Нила и Нигера (цит. по: [Dubois, 1911, p. 24]), что, по его собственному выражению, вызвало «взрыв смеха в стане пессимистов и Тартаренов из Тараскона» [Dubois, 1911, p. 25–26]. Двумя годами позже, характеризуя архитектуру города Дженне, Дюбуа писал: «Наконец я припоминаю эти величественно массивные формы; и воспоминание это доносится до меня с другого края Африки. Их прототипы возвышаются на берегах другой великой реки, но никакая жизнь не связана с их образом. Это мертвые города, или, скорее, города мертвых; ибо именно в безжизненных городах фараонов и их гипогеех, именно на руинах Древнего Египта в долине Нила я прежде уже встречал это искусство» [Dubois, 1897, p. 86]. Поэтому-то нет ничего удивительного в том, что своей реконструкции первой мечети Дженне он придал откровенно «мастабообразный» характер (рис. 1).

Не один только Дюбуа был уверен в том, что архитектура Дженне и других городов связана с Древним Египтом: в 1907 г. британец Арнольд Ландор отметил египетское влияние на архитектуру Мали [Landor, 1907, p. 403–404], а в 1912 г. о том же писал Луи Соноле, который усматривал его не только в Дженне: «Рассмотрим, например, Сегу, бывшую крепость Амаду, захват которой потребовал от наших войск столько мужества и решительности. Все важные дома в городе построены по единой модели. Над входными воротами возвышаются четырехугольные пирамиды, обрамленные пилястрами в форме усеченных пирамид. Линии прямые и симметричные. Все это вызывает в памяти далекие и смутные воспоминания о Древнем Египте времен фараонов» [Sonolet, 1912, p. 114].

К настоящему времени «египетская» гипотеза происхождения западноафриканской архитектуры имеет только историографическое значение; теперь-то понятно, что история последней восходит, по крайней мере, ко II тыс. до н.э., к культуре Тишит, которая существовала на пространстве от юго-восточной Мавритании до Мема в Мали в 1900 г. до н.э. – 400 г. н.э. (см. *Карта 1*). По мере высыхания Сахары её носители перемещались по направлению к реке Сенегал и к излучине Нигера, где, благодаря этой миграции, возникли первые крупные поселения. Они и стали ядром последующих великих империй Сахеля. Однако в египетской гипотезе было и вполне рациональное зерно – замечание Дюбуа о сходстве между долинами Нила и Нигера, что привело к использованию одних и тех же строительных материалов, и, соответственно, к возникновению сходных форм в строительстве.

Но в рассуждениях о древнеегипетском происхождении западноафриканского зодчества уже ясно прослеживается и другая мысль, которая, как мы увидим, в том или ином виде будет регулярно возникать на страницах европейских публикаций: «сами они не могли построить ничего, кроме примитивных глинобитных хижин».

ИСЛАМ И СУДАНСКИЙ СТИЛЬ

В отличие от «египетской», «исламская» гипотеза происхождения западноафриканской архитектуры выглядит вполне обоснованной. Так, не вызывает никаких сомнений, что ислам действительно обогатил архитектуру Мали новым для неё типом сооружений, – мечетью, – причём, совершенно определённой её разновидностью, т.н. «арабской», или «колонной» мечетью с большим прямоугольным двором с примыкающим к нему гипостильным залом. В Западной Африке этот тип благополучно доживает до XXI в.

Самым ранним ныне известным памятником мусульманской архитектуры Мали является «дворец» в Древнем Гао (в будущей столице державы Сонгай). Раскопки, предпринятые там в 2001–2009 гг. Соишира Такезава, Тереба Тогола и Мамаду Сиссе, открыли крупные сооружения из камня, сырцового и обожжённого кирпича, построенные около 900 г. [Takezawa, Cisse, 2012]. Они представляют собой длинные узкие помещения, но также гипостильный зал, который, предположительно, представляет собой одну из самых ранних мечетей в Западной Африке. Однако в этом сооружении отсутствует михраб, обязательный элемент в архитектуре мечетей. Поэтому-то постройки в Древнем Гао могут быть интерпретированы по-разному – «как “рынок”, “дворец” или, возможно, просто элитная городская застройка», причём, «элитный характер этих зданий дополнительно подтверждается двумя внушительными входами, один из которых окружен массивными столбами из обожжённого кирпича», а колонны «могли быть просто средством создания большего (дворцового?) пространства» [Donnay, MacDonald, 2019, p. 14].

Вероятно, чуть позже «дворца» в Гао была построена большая колонная мечеть в Кумби Сале (46×23 м). В западной, до сих пор нераскопанной её части, скорее всего, находился большой двор, такой же, как в мечети Дженне (*рис. 2⁴*). Раскопки Раймона Мони 1950 г. [Mauni, Thomassey, 1951] раскрыли михраб, который трижды перестраивался в X–XV вв. В конце XI – начале XII вв. мечеть была значительно расширена.

Самым известным и до сих пор непонятым зданием Кумби Сале остаётся Гробница с колоннами. Впервые она была описана Альбером Боннелем де Мезьером в 1914 г. (но опубликована только в 1923 г.: [Bonnell de Mézières, 1923]), когда она была ещё в приличном состоянии (сейчас гробница практически разрушена). Она была окружена шестью квадратными концентрическими оградами с несколькими воротами и занимала площадь

⁴ Рис. 2 и 5 см. на цветной вклейке.

около 6 га. Центральной её частью была каменная конструкция размером 5×5 м, с углами, ориентированными по сторонам света, и с круглой каменной колонной в каждом углу. Изначально все стороны этого склепа имели входные проемы, но позже два из них были засыпаны. От юго-западного входа лестница из обожженного кирпича вела в подземную камеру с тремя погребениями, чьи стены этой камеры были покрыты белой штукатуркой с красной росписью (не сохранилась). При помощи радиоуглеродного анализа погребения были датированы промежутком между 1050–1200 гг. План центральной части Гробницы с колоннами удивительно близок плану мавзолея Саманидов в Бухаре, построенного на рубеже IX и X вв. (т.е. обе постройки разделяют около ста лет). За один век культурная информация с востока мусульманского мира вполне могла достичь юго-западной его оконечности, т.е. влияние мавзолея Саманидов на Гробницу с колоннами вполне возможно. В то же время, Кло Капель и группа исследователей предположила, что это сооружение могло быть связано и с местными доисламскими обычаями [Capel et al, 2015, p. 74]. Но в любом случае, Гробница с колоннами с предыдущей и с последующей историей архитектуры Мали никак не связана.

Сейчас в архитектуре Мали и во всей Западной Африке господствует т.н. Суданский стиль. Он подразделяется на Марокканский стиль и Стиль тукулёров, из самих названий которых следует, что своим происхождением они обязаны мусульманам с севера и крайнего запада Африки. Наиболее вероятная дата возникновения первого – начало – середина XVII в., когда территория Мали находилась под марокканской оккупацией. Второй, если судить по его названию, не мог возникнуть ранее 1862 г., когда практически весь юг Мали вошёл в состав теократической империи Тиджанийя, основанной Эль-Хадж Омар Таллем. Но в марокканском стиле единственные действительно марокканские черты – очень характерные двери и окна, которые можно видеть только в Дженне, Тимбукту, Мопти и в отдельных сооружениях в других городах, явно построенных под влиянием архитектуры Дженне. Эти детали действительно имеют марокканское происхождение. Но массивные кубические объёмы зданий в Марокканском стиле с характерными стенами, расчленёнными тонкими пилястрами, появились в Дженне задолго до марокканцев...

Дело в том, что дома в деревне Буну (*Bounou*) на севере нагорья Бандиагара в культурно-исторической области Ловель Геу (*Lowel Gueou*) обнаруживают поразительное сходство с постройками в Марокканском стиле в Дженне, но без «марокканских» деталей – окон и характерных дверей (рис. 3). Часть населения Ловель Геу, джанаге, или дженненке, т.е. «люди Дженне» (яз. бозо и бамананкан), мигрировала на нагорье Бандиагара, скорее всего, в XV в. [Blom, 2011, p. 64], т.е. минимум за сто лет до начала марокканской оккупации. Правда, такие дома можно видеть только в деревне Буну. В соседних деревнях, жители которых по происхождению тоже связаны с Дженне, этот стиль не фиксируется.

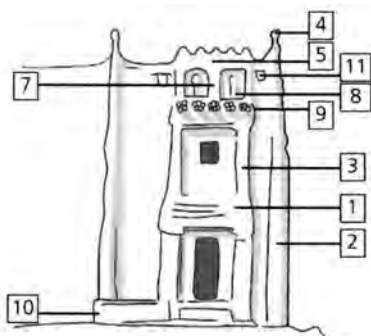
Что касается Стиля тукулёров, то и в этом случае есть очень веские основания предполагать, что возник он задолго до завоевания Дженне Эль-Хадж Омар Таллем. Во-первых, та архитектура тукулёров, что существовала у них до начала джихада, представлена, по крайней мере, в одном памятнике – в деревне Альвар (Хальвар) на границе между Сенегалом и Мавританией, на родине Эль-Хадж Омар Талля, сохранилась мечеть, построенная ещё при его жизни. Как и следует ожидать от архитектуры тукулёров, она полностью лишена какого-либо «греховного» декора, в отличие от Стиля тукулёров в Дженне и Мопти.

К нему-то и следует присмотреться очень внимательно. Дело в том, что, как видно на рис. 4, фасады домов, построенных и в Марокканском стиле, и в Стиле тукулёров, осознаются в антропоморфных образах. Об этом говорят названия элементов декора: *sarafar har* – «взрослый мужчина», *sarafar woy* – «взрослая женщина», *sarafar ydie* – «ребёнок», *sarafar fuula* – «шляпа взрослого мужчины». Есть и зооморфный образ (*musi bum*o – «голова

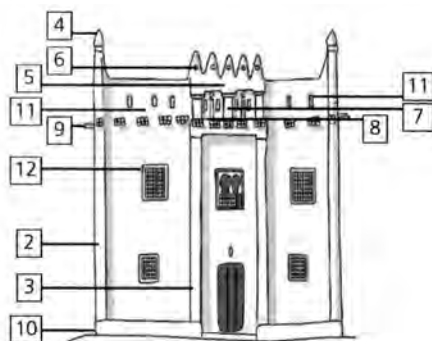

Рис. 3. Дома в деревне Буну, северо-запад нагорья Бандиагара (по: [Blom, 2011, p. 69])

Fig. 3. Houses in the village of Bounou, northwest of the Bandiagara plateau
(based on: [Blom, 2011, p. 69])

1. Крыльцо (gum hu)
2. Угловой пилластр (sarafar har - "взрослый мужчина")
3. Пилластр sarafar woy - "взрослая женщина"
4. Макушка башенки sarafar fuula - "шляпа взрослого мужчины"
5. Фронтон, декорированный остроконечными башенками sarafar ydie - "ребёнок"

6. Сферический декор башенки sarafar dyutu
7. Малый пилластр (gaga)
8. Декор фронтона musi buto - "голова кошки"
9. Toton - деревянные балки
10. Tintin - глинобитная скамья
11. Слуховые окна (funey)
12. Окно с деревянной решёткой koyradi funey, дословно - "открывающиеся в сторону города"

Рис. 4. Стиль тукулёров (слева) и Марокканский стиль (справа)

Fig. 4. Toucouleur style (left) and Moroccan style (right)

кошки»). Таким образом, в Мали архитектурные детали осознаются в понятиях системы родства: дом как целое представляет собой традиционную семью, а на фасад выносятся её зримое и осязаемое обозначение.

Именно в Стиле тукулёров антропоморфизм архитектуры доводится до высшей черты. Так, дом в Мопти, расположенный напротив мечети, представляет собой схематичное, но ясно читаемое изображение личины: выступающий вперёд массивный портал образует рот, а окна – глаза. Есть даже нос в виде тонкого полупилястра между окнами (рис. 5). Можно предположить, что фланкирующие портал тонкие пилястры, имеющие продолжение в виде невысоких пинаклей, представляют собой ни что иное, как предельно схематичное изображение поднятых вверх рук. Если это так, то порталы имеют аналогии в старой скульптуре дженненке, и та же композиционная схема характерна и для скульптуры догонов XIX–XX вв.

Наиболее веский аргумент в пользу дотукuléрского происхождения Стиля тукулёров можно видеть в мечети в Дженне. Несмотря на многочисленные упоминания о ней в Суданских хрониках, о её облике там нет ни слова. Первым описал её только Рене Кайе. В 1828 г. он застал её уже в довольно плачевном состоянии, поскольку за десять лет до его визита город был захвачен Секу Амаду, который украшательства в архитектуре отнюдь не поощрял, и мечеть была заброшена. Вскоре после того, как в апреле 1893 г. французы захватили Дженне, была сделана фотография, запечатлевшая руины старой мечети (рис. 6). В то время по ним ещё можно было составить представление о характере её декора. Примерно в том же состоянии её застал и Феликс Дюбуа, который посетил Дженне в 1896 г. Наконец, в 1906 г. французские власти Дженне начали строительство новой мечети на месте первой постройки XIII в. Строительство шло под руководством вождя каменщиков Дженне Исмаила Траоре.

На фотографии 1893/1894 г. ясно видно, что её портал, как и современный, был образован тремя пилонами. И тут обращает на себя внимание одно любопытное обстоятельство: порталы мечетей Дженне и Мопти, построенной в подражание первой, обнаруживают явное сходство с маской Валу догонов, на что ещё в 1971 г. обратил внимание британский исследователь Фрэнк Уиллетт [Willett, 1971, p. 184]. Любопытно, что в многочисленных мечетях в самой Стране догонов в архитектуре эта форма не встречаются, однако в мечетях может присутствовать в виде маскоида: в маленькой деревне Уме на севере Страны догонов ворота мечети запираются на засов типичной для декоративно-прикладного искусства догонов формы в виде маски Валу, при этом в культурно-исторической области Бондум, где расположена деревня Уме, масок вообще нет. Поскольку современный портал мечети в Дженне воспроизводит портал первой постройки XIII–XIV вв., логично будет предположить, что эта стилизирующая зоантропоморфная деталь является доисламским наследием.

Сходство с «тукулёрскими» порталами обнаруживается и в архитектуре хауса в Нигерии, т.е. на той территории, которая никогда не входила в состав теократического государства тукулёров – так, портал дворца правителя города Бибеджи неподалёку от города Кано (Нигерия), в целом, выполнен именно в упрощённом и укрупнённом Стиле тукулёров. В том же стиле выполнены ворота стены дворца эмира города Кано и портал самого дворца. Хаусанский стиль отличается от малийского более крупными, даже лапидарными формами и отсутствием зоантропоморфных черт, выраженных так же ярко, как в порталах малийских сооружений. Но, несмотря на все различия, композиционная схема «тукулёрских» порталов остаётся неизменной – в хаусанских постройках можно видеть тот же массивный наплывающий над дверным проёмом навес, фланкируемый двумя мощными пилястрами, нередко имеющими продолжение в виде двух невысоких пинаклей на крыше. Зоантропоморфная образность фасадов у хауса выражена не так ярко, как в архитектуре

Рис. 6. Развалины старой мечети в 1893–1894 гг.

Fig. 6. Ruins of the old mosque in 1893–1894 (based on: https://en.wikipedia.org/wiki/Great_Mosque_of_Djenn%C3%A9#/media/File:Djenne_ruins_ancient_mosque_-_Albert_Rousseau.jpg (accessed: 22.12.2025))

Рис. 7. Антропоморфный символизм фасадов хауса (по: [Bena, 2012, p. 72, fig. 2.6])

Fig. 7. Anthropomorphic symbolism of hausa facades (based on: [Bena, 2012, p. 72, fig. 2.6])

Мали, однако она присутствует и там: «Пинакли (*zankwaye* – яз. хауса) стали воспринимать как художественную деталь традиционного фасада хауса, без которой мастера-каменщики описывают его как быка без рогов или, скорее, как вождя без головного убора» [Gali et al, 2019, p. 6]. Традиционная постройки хауса самими носителями культуры воспринимается именно в антропоморфных образах [Bena, 2012, p. 72, fig. 2.6] (рис. 7).

Таким образом, Стиль тукулёров осознанно антропоморфен, что для тукулёров, которые, в известном смысле, были предшественниками современного радикального ислама, выглядит странно.

В связи с мусульманским влиянием на Суданский стиль остаётся ещё упомянуть «архитектурную легенду» об андалузце Абу Исхак ас-Сахели⁵, которому, с лёгкой руки Генриха Барта и Мориса Делафосса, приписывается выдающаяся роль в истории малийской архитектуры. По-видимому, создал легенду об ас-Сахели в 1857 г. немец Генрих Барт [Barth, 1965, p. 662, app. 9], когда «собрал воедино как реально существующие, так и предполагаемые упоминания ас-Сахели (без указания источников)» [Aradeon, 1989, p. 100]. Другой выдающийся африканист, Морис Делафосс, утверждал, что именно ас-Сахели «познакомил чернокожих с “суданской” архитектурой, а до этого они строили только глиняные хижины с коническими соломенными крышами» [Delafosse, 1924, p. 159–160]; цит. по: [Aradeon, 1989, p. 100]. Но это утверждение весьма далеко от реальности. Как заметила Сюзанн Арадеон, «не проводя стилистического анализа ни арабоберберской архитектуры, встречающейся на юге Марокко и в оазисах, ни африканского стиля, который он назвал “суданским”, Делафосс предположил, что между этими двумя смутно понятыми им “стилями” существует достаточное сходство, чтобы утверждать, что ас-Сахели черпал вдохновение из своего марокканского опыта» [Aradeon, 1989, p. 100]. Но источники эту точку зрения не подтверждают – нет даже ясных указаний на то, что ас-Сахели вообще имел к архитектуре какое-либо отношение⁶.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ?

Аутентичность стиля новой мечети в Дженне поставил под сомнение ещё Феликс Дюбуа, который «придумал египетское происхождение» городу [Brunet-Jailly, 1999, p. 174]: «вместо архитектуры Дженне, теперь под видом мечети мы видим карикатуру!» [Dubois, 1911, p. 189]. Впрочем, его возмущение, возможно, объясняется тем, что строители не приняли во внимание его мастабообразную реконструкцию с наклонными контрфорсами, явно навеянными впечатлением от пилонов храмов Древнего Египта.

Более ясно в книге «Призрачная Африка», впервые опубликованной в 1934 г., высказался известный участник миссии Дакар-Джибути Марселя Гриоля, сюрреалист Мишель Лейрис: «Ближе к вечеру учитель-француз сообщил нам, что мечеть – это работа европейца, бывшего администратора. Чтобы осуществить свои планы, он разрушил старую мечеть. Туземцы испытывают такое отвращение к новому зданию, что для того, чтобы они согласились его подметать, их приходится наказывать тюрьмой» [Leiris, 1981, p. 206].

На этом-то основании и сложилось мнение, что мечеть – продукт французского творчества. Между тем Лейрис – не самый надёжный источник информации. Он отличался «удивительно субъективным восприятием Африки» [Clarck-Taoua, 2002, p. 479] и в определённых кругах даже заслужил звание «мастера этнографических провалов» [Phipps, 2005]. Так, описывая улицы Дженне, он проявил то ли самое вопиющее непонимание того просто-

⁵ Родился в Гранаде в 1290 г., но известность обрёл в Сахеле, при дворе Мансы Мусы, и был похоронен в Тимбукту.

⁶ См. подробнее: [Poissonnier, 2018].

го факта, что жители города строили свои дома для себя, а не для того, чтобы понравиться французскому сюрреалисту с его «удивительно субъективными взглядами», то ли ради острого словца готов был пожертвовать элементарным здравым смыслом: «Знакомство со всем городом, с узкими улочками, домами с великолепными фасадами, но внутренне убогими, старым городом, привлекательным как “театральная декорация”, но таким же нищим, как антикварные кулисы или как убогий магазин домашней утвари в соседней забегаловке...» [Leiris, 1981, p. 206].

После Лейриса сомнения в аутентичности новой мечети высказывали и другие авторы: «Портал в северо-восточном крыле представляет собой ...новинку, несомненно, вдохновленную Европой... внутри мечети мы видим стрельчатые арки, которые являются элементом, чуждым суданской традиции, и которые были добавлены во время реконструкции» [Domian, 1989, p. 51]; цит. по: [Brunet-Jailly, 1999, p. 174].

Что касается стрельчатых арок внутри мечети, то арочные конструкции, судя по сообщению ал-Бакри, в западноафриканской архитектуре были известны уже в XI в. [*Древние и средневековые источники*, 1965, с. 181]. Кроме того, стрельчатые арки в мусульманской архитектуре зафиксированы уже в мечети Ибн Тулуна в Каире (876–879 гг.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы вряд ли ошибёмся, если предположим, что историю малийской архитектуры надо начинать с культуры Тишит, причём она последовательно, без перерывов и оставивших видимые следы кризисов, развивалась со II тыс. до н.э. до наших дней. Усматривать же древнеегипетское влияние на архитектуру Западной Африки нет никакого смысла – определённое сходство между ними, действительно, существует, но обусловлено это не контактами, а сходством климатических условий и строительных материалов.

Что касается влияния мусульманской архитектуры, то не вызывает сомнений только то, что типичные для Суданского стиля сооружения – арабские мечети – были заимствованы вместе с самим исламом. Но сам Суданский стиль явно сложился без влияния ислама и в определённом смысле даже вопреки ему. На это ясно указывает антропоморфный (иногда зооантропоморфный) характер Стиля тукулёров.

Что касается европейского влияния на традиционную малийскую архитектуру, то, исключая современные постройки, невозможно указать какие-либо его следы. Как мы видели, несостоятельной оказывается попытка приписать появление стрельчатых арок европейскому влиянию, а это практически единственный аргумент в пользу последнего – если не считать таковым гневные филиппики Дюбуа или рассуждения Лейриса относительно «домашней утвари в соседней забегаловке».

Спору нет – в трудах Энгестрёма, Деньер и многих других исследователей архитектура Мали и всей Западной Африки исследуется вполне объективно. Но параллельно существовала и существует другая тенденция, предельно ясно выраженная Морисом Делафоссом: кто-то «познакомил чернокожих с “суданской” архитектурой, а до этого они строили только глиняные хижины с коническими соломенными крышами». И не имело значения, кем были те культуртрегеры, что принесли в Западную Африку развитые архитектурные традиции – кто угодно, только не сами африканцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Т. 2. *Арабские источники X–XII веков.* Подготовка текстов и перевод Л.Е. Куббея, В.В. Матвеева.

M.; JI.: Hayka, 1965 [*Ancient and medieval sources on the ethnography and history of the peoples of Sub-Saharan Africa*. Vol. 2. *Arabic sources of the 10th–12th centuries*. L.E. Kubbel, V.V. Matveyev (tr., ed.) Moscow; Leningrad: Nauka, 1965 (in Russian)].

Aradeon S.B. Al-Sahili: the historian's myth of architectural technology transfer from North Africa. *Journal des africanistes*. 1989. T. 59, fasc. 1–2. Pp. 99–131.

Barth H. *Travels and Discoveries in North and Central Africa in the Years 1849–1855*. Vol. 3. London: Frank Cass & Co (Reprint of the 1857 edition), 1965.

Bena A.A. *Integrating Cultural Identity in the Upgrading of Argungu Fishing and Cultural Festival Centre, Kebbi State*. A thesis submitted to the Postgraduate school, Ahmadu Bello University, Zaria, Nigeria. Zaria, Nigeria: Ahmadu Bello University, 2012.

Blom H. *Dogon Images and Traditions*. Brussels: Momentum Publication, 2011.

Bonnell de Mézières A. Recherche de l'emplacement de Ghana (fouilles à Koumbi et Settah). *Mémoires présentés par divers savants à l'Académie de Inscriptions et Belles Lettres*. 1923. T. 13 (1). Pp. 227–264.

Brunet-Jailly J. (Dir.). *Djenné d'hier à demain*. Bamako: Donniya, 1999.

Caillié R. *Journal d'un voyage à Temboctou et à Jenné dans l'Afrique Central, précédé d'observations faites chez les maures Braknas, les Nalous et d'autres peuples; pendant les années 1824, 1825, 1826, 1827, 1828*. T. I–III. Paris: Imprimé par autorisation du roi à l'imprimerie royale, MDCCCXXX (1830).

Capel C., Zazzo A., Polet J., Saliège J.-F. The End of a Hundred-Year-Old Archaeological Riddle: First Dating of the Columns Tomb of Kumbi Saleh (Mauritania). *Radiocarbon*. 2015. Vol. 57 (1). Pp. 65–75.

Clarck-Taoua P. In Search of New Skin: Michel Leiris's L'Afrique fantôme. *Cahiers d'Études africaines*. 2002. Vol. 167, XLII–3. Pp. 479–498.

Delafosse M. Les relations du Maroc avec le Soudan à travers les âges. 1924. *Hesperis*. Vol. 4. Pp. 153–174.

Denyer S. *African traditional architecture: an historical and geographical perspective*. London: Heinemann, 1978.

Domian S. *Architecture soudanaise: vitalité d'une tradition urbaine et monumentale*, Mali, Côte d'Ivoire, Burkina Faso, Ghana. Paris: L'Harmattan, 1989.

Donnay S.C., MacDonald K.C. West Africa, 400–1400. *Sir Banister Fletcher's Global History of Architecture*, 21st edition. Vol. 1. London: Bloomsbury Visual Arts, 2019. Pp. 820–832.

Dubois F. *Timbuctoo the Mysterious. Translated from the French by Diana White. With One hundred and fifty-three Illustrations from Photographs and Drawings made on the spot and Eleven Maps and Plans*. London: William Heinemann, 1897.

Dubois F. *Notre beau Niger*. Paris: Flammarion, 1911.

Engeström T. Contribution aux connaissances des styles de construction au Soudan français. *Ethnos*. 1955. Vol. 2–3. Pp. 122–126.

Engeström T. *Notes sur les modes de construction au Soudan*. Statens Etnografiska Museum Memoir, n°26. Stockholm: Statens Etnografiska Museum, 1957.

Engeström T. The Origin of Pre-Islamic Architecture in West Africa. *Ethnos*. 1959. Vol. 24. Pp. 64–69.

Gali K.U., Danjuma A.Y., Abubakar A., Abdullahi M.U. The practice of Hausa traditional architecture: Towards conservation and restoration of spatial morphology and techniques. *Scientific African*. 2019. Vol. 5. Pp. 1–8.

Landor A. *Across Widest Africa*. T. 2. London: Hurst and Blackett, 1907.

Leiris M. *L'Afrique fantôme. De Dakar à Djibouti (1931–1933)*. Paris: Gallimard, 1981.

Magé M.E. *Voyage dans le Soudan occidental (Sénégal-Niger)*. Paris: L. Hachette et Cie, 1868.

Mauni R., Thomassey P. Campagne de fouilles à Koumbi Saleh. *Bulletin de l'IFAN*. 1951. T. 13. Pp. 438–462.

Park M. *Travels in the Interior Districts of Africa: Performed in the Years 1795, 1796, and 1797*. London: John Murray, 1816.

Phipps P. Michel Leiris: Master of Ethnographic Failure. *Celebrating Transgression: Method and Politics in Anthropological Studies of Cultures. A book in Honour of Klaus Peter Koepping*. Eds.: U. Rao , J. Hutnyk. New York, Oxford: Berghahn Books, 2005. Pp. 181–194.

Poissonnier B. The Great Mosque of Timbuktu: Seven Centuries of Earthen Architecture. *Earthen Architecture in Muslim Cultures: Historical and Anthropological Perspectives*. Leiden: Brill, 2018. Pp. 22–36.

Prussin L. The architecture of Islam in West Africa. *African Arts*. 1968. Vol. 1–2. Pp. 32–35, 70–74.

Prussin L. *Architecture in Northern Ghana: A Study of Forms and Functions*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1969.

Prussin L. Sudanese architecture and the Manding. *African Arts*. 1970. Vol. 3–4. Pp. 8–19, 97–98.

Prussin L. An Introduction to Indigenous African Architecture. *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1974. Vol. 33.3. Pp. 182–205.

Prussin L. *Shelter for the Soul. Shelter: Models of Native Ingenuity*. J.M. Fitch (ed.) Katonah: The Katonah Gallery, 1982.

Prussin L. *Hatumere: Islamic Design in West Africa*. Berkeley: University of California, 1986.

Prussin L. *Convivencia at Timbuktu: Archetypes, Architects, and Artisans*. Gainesville: University of Florida, Harn Eminent Scholar Chair in Art History Program Presentation, 2008.

Schijns W. *L'architecture vernaculaire des Dogons du Mali. L'évolution typologique et l'avenir d'un patrimoine mondial*. Amsterdam: Gopher, 2009.

Sonolet L. *L'Afrique occidentale française*. Paris: Hachette, 1912.

Takezawa S., Cisse M. Discovery of the Earliest Royal Palace in Gao and Its Implications for the History of West Africa. *Cahiers d'études africaines*. 2012. Vol. 52. No. 208. Pp. 813–844.

Willett F. *African art: An introduction*. London: Thames & Hudson, 1971.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЦЕНКОВ Пётр Анатольевич – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Petr A. KUTSENKOV, DSc (Cultural Studies), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

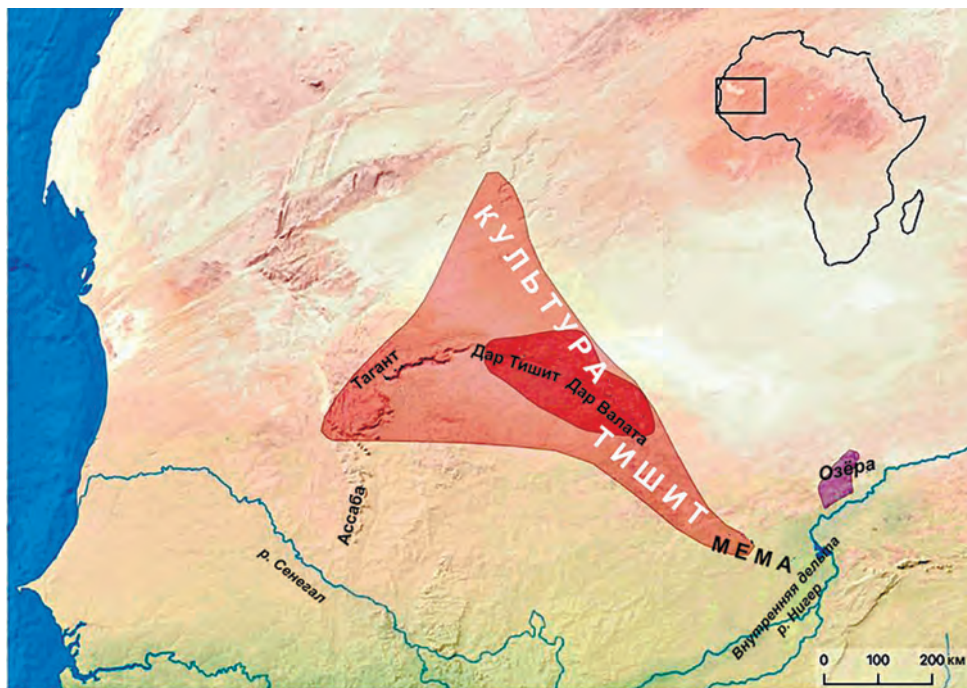
Рис. 2. Мечеть в Дженне с высоты птичьего полёта. 2018 г. (фото Н.М. Жилина)

Fig. 2. Bird's-eye view of the mosque in Djenne. 2018 (photo by N.M. Zhilin)

Рис. 5. Дом в Стили тукулёров в городе Мопти, напротив северного фасада мечети. 2015 г. (фото автора)

Fig. 5. Toucouleur style house in Mopti, opposite the northern facade of the mosque. 2015 (photo by the author)

Карта 1. Культура Тишит (2000 г. до н.э. – 400 г. н.э.)
 Map 1. Tichitt culture (2000 BC–400 AD)